

П.Л. Полянский

Периодизация дореволюционной истории отечественного семейного права. Критика литературы¹

В статье рассматривается традиционная периодизация истории дореволюционного отечественного семейного законодательства, основанная на смене исторических типов монархии и отдельных событиях. Автор подвергает сомнению обоснованность такого подхода.

Ключевые слова: Россия; история права; семейное право; брак; семья; законодательство.

Часть I

Значение периодизации истории семейного законодательства трудно переоценить. Подбор верных критериев для определения этапов развития отрасли позволит одновременно решить несколько задач. Во-первых, будет ясно, какие именно аспекты взаимоотношений супругов и членов семьи интересны законодателю на том или ином временном отрезке, а также причины этого интереса. Во-вторых, можно точнее определить характер вмешательства государства в брачно-семейные отношения подданных. В-третьих, появится возможность адекватно оценить последствия правового регулирования брака и семьи, исходя из выявленных целей и приемов регулирования. В двух частях статьи, объединенных общей тематикой, мы подвергнем анализу традиционную периодизацию дореволюционной истории отрасли, содержащуюся в научной литературе, а затем предложим другую периодизацию, основанную на критерии, совершенно отличном от традиционных.

Литература, посвященная истории брачно-семейного законодательства России за длительный исторический период, практически отсутствует. Наверное, единственным примером обобщающей работы, знакомящей с дореволюционным российским законодательством в целом, является относительно недавно вышедшая в свет книга Н.С. Нижник «Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории» (СПб., 2006) [5]. Автор предлагает два критерия для периодизации истории развития отрасли: вероисповедное состояние большинства населения и характер правления. Соответственно в работе выделено три периода: 1) Древняя Русь «в условиях язычества»; 2) Древняя Русь и Московское государство после принятия

¹ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере «Вестника МГПУ».

христианства; 3) Российская империя. Данная периодизация нова лишь отчасти. Автор вводит «религиозный элемент», желая показать определяющее влияние канонических норм на русское право. Вторым критерием — характер правления — был использован еще учеными XIX — начала XX века, разрабатывавшими вопросы истории русского права вообще. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов определял три этапа дореволюционной истории права: земский (княжеский), московский и период империи [1: с. 33]. В.Н. Латкин также выделял три периода: удельно-вечевой, период Московского государства и период империи [3: с. 2]. С точки зрения М.Ф. Владимирского-Буданова (с ним был согласен и П.И. Числов), для разных периодов характерно разное соотношение силы обычая и закона.

Возвращаясь к указанной современной периодизации, необходимо разобраться значение вероисповедного состояния населения Руси для семейно-правовых отношений. С момента крещения Руси в 988 году, по мнению Н.С. Нижник, начинается новый этап их развития. Исследователь считает, что Русская православная церковь присвоила «монопольное право утверждения брака», чему, вероятно, способствовало «распространение Номоканона» [4: с. 15]. Автор специально не затрагивал вопросы распространенности Номоканона на Руси, а также проблему вытеснения обычного права византийским законодательством. Между тем понятие «Номоканон» не только для Руси, но и, пожалуй, для Византии можно считать неким собирательным существительным, поскольку под этим именем ходили самые разные документы на разных языках. О том, что многие византийские источники были известны на Руси только в греческих подлинниках, говорит оценка митрополитом Кириллом II (XIII в.) состояния церковной практики. Владыка нашел «несогласия многа и грубости», вызванные непониманием канонических правил, омраченных «облаком мудрости эллинского языка» [6: с. 85]. Ситуация была отчасти исправлена выпуском в середине XVII века печатной Кормчей книги на русском языке, но и она содержала в себе существенные неточности по сравнению с оригиналом. В XVIII веке это издание уже стало библиографической редкостью, а при переиздании были сохранены все первоначальные недочеты.

Даже наличие славянского перевода не всегда помогало духовенству вследствие слабой образованности многих представителей этого класса. Малограмотных и совсем неграмотных священников можно было найти в изобилии даже в XVIII–XIX веках. Неграмотность приходского духовенства с Древней Руси до XVIII века отмечалась известными церковными историками [2: с. 6]. Но в вопросах христианства священники, даже умеющие читать и писать, были часто столь же невежественны, сколь и их паства [3: с. 95, 160].

Коренной ломке обычаев славян и воспитательной работе в духе христианского вероучения препятствовал характер взаимоотношений духовенства и паствы. В огромном количестве случаев вакансии в приходских храмах до конца XVIII века замещали по договору с прихожанами, поэтому от расположения общины к местному священству напрямую зависело его благополучие и самое

пребывание в духовной должности. В таких условиях духовенство было вынуждено закрывать глаза на нехристианское поведение «пасомого стада» из опаски, как бы чрезмерное рвение не было поставлено им «в вину». Что же касается причтов храмов, построенных феодалами и находящихся на их иждивении, то противодействовать благодетелям они тем более не имели возможности.

Таким образом, воспитательная роль духовенства на Руси не могла быть велика, однако в области брака и семьи она была мала по определению. Венчание и крещение — лишь благодаря этим таинствам православная церковь хоть как-то участвовала в брачно-семейной жизни мирян. К этому необходимо добавить бракоразводный процесс, который хоть и не являлся таинством, но также требовал вмешательства духовенства. Личные и имущественные права и обязанности супругов, а также членов семьи каноническое право христианской церкви восточного исповедания традиционно обходит стороной. Попытки найти отголоски христианского учения в регулировании прав и обязанностей супругов вряд ли можно считать состоятельными. Так, в литературе выдвигается тезис о том, что на христианстве основан принцип единого места жительства супругов, а также единство социального статуса [5: с. 42]. Однако Судебник 1497 года, например, прямо говорит о раздельном проживании членов семьи, если они являются холопами разных господ (ст. 66). Один из современных авторов утверждает, что «с принятием христианства... замужняя женщина рассматривалась уже не как имущество мужа, а как относительно самостоятельное лицо» [5: с. 43]. Однако тот же автор вслед высказывает прямо противоположное замечание: «... в Древнерусском и Московском государстве... муж являлся бесконтрольным повелителем своего семейства» [5: с. 44].

Христианизации брака на Руси мешало еще одно обстоятельство — развитие крепостного права. Значительная доля населения страны фактически оказывалась в состоянии рабства, когда место жительства, род занятий и семейный статус зависели от желания господина. Характерно, что с проведением реформы 1861 года самым первым правом крестьянина как свободного сельского обывателя была провозглашена свобода от вмешательства помещика в его брачные и семейные дела.

Итак, специфика правового положения русского приходского духовенства, уровень его образованности, плохая обработка византийского законодательства и слабая его доступность, крепостное состояние значительной части населения страны — все эти факторы ставят под сомнение ценность выбора Крещения Руси как точки отсчета в периодизации истории семейного права. Нельзя отрицать, что заимствованные канонические брачно-семейные нормы оказали определенное влияние на развитие русского семейного права, но весьма спорно утверждение об *определяющем* влиянии христианского учения на брак и семью.

Более того, можно даже признать, что в России канонические постановления о браке начинают более или менее обеспечиваться принудительной силой, а именно, государственным принуждением примерно с XVIII века,

т. е. именно тогда, когда согласно традиционной периодизации начинается третий период истории семейного права — эпохи империи. Однако участие государства в урегулировании брачно-семейных дел вряд ли можно считать проявлением интереса к вопросам христианской нравственности. Скорее, эти дела попали в сферу влияния законодателя при решении совсем иных задач, и вряд ли будет справедливо упрекнуть правительство в желании отодвинуть церковь от решения вопросов, которые с давних времен входили в область ее ответственности.

В брачно-семейных делах активное применение государственным органами канонического законодательства начинается с организации Святейшего правительствующего синода, который уже в 1723 году принял участие в бракоразводном процессе генерал-прокурора сената П.И. Ягужинского. Первая жена генерал-прокурора, Авдотья Федоровна Хитрово, была, вероятно, психически нездорова, но ее обвиняли в разных «мерзостях» и «скарעדствах». Женщину (если верить материалам следствия) необходимо было лечить, но фаворит императора добился решения о разводе. Синод не сумел установить никаких законных поводов к прекращению брака, кроме как отсутствие Авдотьи Федоровны дома в течение нескольких ночей.

Этот случай может служить одним из первых (если не первым) примеров формального развода в России с участием государственных органов. Как выяснилось, руководящая помощь Синода требовалась в большом масштабе, поскольку низовое духовенство было не в состоянии разрешить значительное количество брачно-семейных дел. Так, в 20-е годы XVIII века в Синод по делу нежинского хорунжего Величковского о самовольном разводе обратился архиепископ Киевский и Галицкий Варлаам. В обращении указывалось, что, помимо хорунжего, еще *во многих случаях* служилые люди самовольно разводятся для вступления в новый брак, причем архиепископ явно затруднялся самостоятельно вынести какое-либо решение. Синод напомнил владыке некоторые канонические нормы, указал на возможность обращаться *за содействием к гражданским властям* и посоветовал не присылать более подобных доношений. На неспособность справиться своими силами с многоженством мирян в 1729 году жаловался в Синод также Тобольский преосвященный. Подобных примеров можно привести немало.

Таким образом, установление неограниченной монархии в России само по себе не означало создание принципиально новых подходов к регулированию брака. Более того, в лице Святейшего правительствующего синода создается механизм, призванный обеспечить соблюдение как раз канонических предписаний в брачных вопросах. Кроме того, здесь часто требовалась и поддержка гражданских властей. Тем не менее в современной литературе можно встретить такое утверждение: «Начало новому этапу в развитии семейного права положила реформаторская деятельность Петра I. В период его правления произошло усиление роли светского законодательства, с помощью которого император пытался

устранить пробелы в существующем каноническом праве» [5: с. 111]. Современный исследователь здесь солидарен с К.А. Неволиним, который, правда, выделял в истории законов о браке и семье не три, а лишь два периода (до и после Петра I) [6: с. 187–188].

Значение реформ Петра I велико, однако верен ли тезис о том, что законодательство Петра и его преемников имело целью устранить пробелы в каноническом праве и что эту деятельность можно считать новым этапом в развитии отрасли? Рассмотрим ряд законов, изданных при Петре. Именной указ от 3 апреля 1702 года, запретивший составление рядных записей с неустойкой за отказ венчаться, был направлен на борьбу с практикой, никак не связанной с каноническими вопросами. Из текста указа ясно, что такие договоры регистрировались в приказе Крепостных дел, при этом не нарушались никакие церковные предписания. Другой указ Петра I, увеличивший в 1714 году вдвое плату за выдачу венечной памяти, в принципе никак не был связан с каноническим правом. Великий реформатор просто попытался использовать для нужд государства отлаженный с эпохи Ивана III механизм сбора венечных пошлин: теперь часть собранного должна была поступать на содержание госпиталей. Еще одно процедурное нововведение Петра I — регистрация браков, рождений и смертей — было обусловлено, судя по всему, в основном фискальными интересами: проведение реформы налогообложения вызвало необходимость регулярного и точного учета ревизских душ, как раз в это время в России шла проверка результатов первой ревизии (переписи).

Указ Петра I 1721 года разрешил пленным шведам жениться на русских женщинах без смены веры. Но и в данном случае мотивом издания указа не было желание ликвидировать пробелы в каноническом праве. Законодатель хотел удержать в России шведов как квалифицированную рабочую силу для добычи и обработки железной руды, при этом такая возможность подтверждалась ссылкой на Священное Писание. Как известно, 23 марта 1714 года был принят знаменитый указ Петра I «О наследии имений». Определяя порядок распоряжения недвижимостью, Петр позаботился о сохранности имущества подростков обоего пола, для чего запрещал всякие сделки с наследниками, не достигшими 20 лет. Там же определен брачный возраст для мужчин — 20 лет, для женщин — 17. При этом наследников мужского пола до указанного возраста надлежало учить грамоте, цифирному счету и другим наукам. Рассматривая приведенные законоположения в контексте петровских реформ, заключаем, что и по вопросу о брачном возрасте речь не шла об изменении церковно-правовых норм. Законодатель заботился о сохранении за дворянскими родами их недвижимости и о возможности получения молодыми дворянами образования без оглядки на семейные связи.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что в начале XVIII века правительство Петра I не стремилось корректировать нормы церковного права, а решало более приземленные задачи: развитие определенных отраслей

промышленности, учет налогоплательщиков, обеспечение благосостояния дворянства. Исходя из этого представляется спорным тезис о том, что деятельность Петра I положила начало *новому этапу* в реформировании семейного права [5: с. 111]. Также спорным видится тезис о том, что создание в XVIII–XVIII веках светского права привело к постепенному вытеснению византийского и русского церковного права [6: с. 201]. Вряд ли какому-нибудь исследователю удастся обнаружить в XVII–XVIII веках борьбу светской и церковной властей за брачно-семейную сферу. В отдельных случаях, судя по жалобам некоторых епархиальных архиереев, гражданская власть немного самовольничала, но Синод еще не осознавал это как проблему и не ставил об этом принципиальных вопросов перед Сенатом или императором.

Приведенные примеры говорят о том, что правительство, решая весьма далекие от интересов православной церкви задачи, в ряде случаев создавало специальные нормы без всякого умысла вытеснить церковь из ее традиционной сферы деятельности. Но по мере осознания церковью и правительством факта, что отдельные вопросы брачно-семейных отношений находятся в двойном подчинении, на законодательном уровне неизбежно происходило разграничение полномочий. Однако это разграничение, как мы полагаем, начнется лишь в XIX веке.

Таким образом, Крещение Руси в X веке и преобразования Петра I в XVIII веке вряд ли могут с полным основанием претендовать на вехи, с помощью которых можно осуществить периодизацию истории брачно-семейного права. Схема, в соответствии с которой языческие обычаи Древней Руси вытесняются византийскими нормами, которые, в свою очередь, уступают первенство государственному регулированию, выглядит слишком прямой и упрощенной.

Выдвинутое дореволюционными историками основание периодизации — изменение соотношения обычая (частно-правового начала) и закона (публичного начала) — также неоспоримо. В третьем периоде (периоде империи), считал М.Ф. Владимирский-Буданов, закон окончательно вытеснил обычай: «Права семейные и право собственности утверждается (при Екатерине II)» [1: с. 33]. Примерно так же рассуждал П.И. Числов, для которого петербургский (или императорский) период означал полное господство закона над обычаем, а гражданское законодательство «начинает регламентировать отношения брачного права, определявшиеся ранее законами церковными» [8: с. 9–10].

Если вытеснение гражданским законодательством церковного здесь уже подвергалось сомнению, то *полное* господство закона над обычаем в XVIII–XIX веках еще требует своего рассмотрения. Вот несколько примеров того, как закон сталкивался со сложившимся обычаем. Так, хотя Петр I и запретил господам принуждать к браку своих крепостных, но сохранившиеся инструкции управляющим хозяйствами Голицыных, Шереметевых и др. говорят о непосредственном воздействии на крестьян в целях понуждения их к браку под угрозой различных санкций. Или, например, гражданское законодательство

установило в 1830 году брачный возраст: 18 лет для мужчин, 16 лет для женщин. Но в 1857 году из-за экономических интересов крестьянской массы Синод дал разрешение епархиальным архиереям венчать с нарушением установленного возраста, но не более чем на полгода.

Сельские обычаи допускали браки двоюродных братьев и сестер, в то время как указ Синода от 19 января 1810 года (и так уже сокративший количество запрещенных к браку степеней родства с седьмой до четвертой) такие супружества безусловно запрещал. Сам император, случалось, разрешал оставлять в силе браки двоюродных братьев и сестер. Правда, всякий раз это происходило секретным повелением. Законодатель даже в XIX веке неоднократно вынужден был расписываться в своей бессилии в борьбе с многоженством, т. е. со вступлением во второй брак при нерасторгнутом правильным образом первом супружестве. Таким образом, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в Российской империи в брачно-семейной сфере царил полное господство закона над обычаем. Скорее, закон *пытался* бороться с неудобными государству обычаями.

Итак, периодизация истории отрасли, традиционная для дореволюционной литературы и некоторых современных исследований, кажется не вполне обоснованной. Какой же подход можно предложить вместо только что рассмотренного? Представляется, что правильнее будет взять за основу не конкретные исторические факты (Крещение Руси), не правление определенного законодателя (Петра I) и не тип государства (различные виды монархии). В качестве критерия для периодизации истории семейного права предлагается взять предмет правового регулирования, чему и будет посвящена вторая часть статьи.

Литература

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.
2. *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад, Коло, 2001. 800 с.
3. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб.: Коло, 2003. 800 с.
4. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 576 с.
5. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.
6. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с.
7. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
8. *Числов П.И.* Курс истории русского права (из ученых записок Императорского лицея в память цесаревича Николая). М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 366 с.

Literatura

1. *Vladimirskij-Budanov M.F.* Obzor istorii russkogo prava. Rostov n/D: Feniks, 1995. 640 s.

2. *Znamenskij P.V.* Duhovny'e shkoly' v Rossii do reformy' 1808 goda. SPb.: Letnij sad, Kolo, 2001. 800 s.
3. *Znamenskij P.V.* Prikhodskoe duxovenstvo na Rusi. Prikhodskoe duxovenstvo v Rossii so vremeni reformy' Petra. SPb.: Kolo, 2003. 800 s.
4. *Latkin V.N.* Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.) / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2004. 576 s.
5. *Nizhnik N.S.* Pravovoe regulirovanie semejno-brachny'x otnoshenij v russkoj istorii. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2006. 272 s.
6. *Nevolin K.A.* Istoriya rossijskix grazhdanskix zakonov. Ch. 1: Vvedenie i kniga pervaya o soyuzax semejstvenny'x. M.: Statut, 2005. 590 s.
7. *Pavlov A.S.* Kurs cerkovnogo prava. SPb.: Lan', 2002. 384 s.
8. *Chislov P.I.* Kurs istorii russkogo prava (iz ucheny'x zapisok Imperatorskogo liceya v pamyat' cesarevicha Nikolaya). M.: Pechatnya A. Snegirevoj, 1914. 366 s.

P.L. Polyanskiy

**Periodization of Russian Family Law History
in Pre-revolutionary Period. The Review of /literature
(Part I)**

The article studies traditional Russian family law periodization in pre-revolutionary period based on the change of historical types of monarchy. This article is devoted to criticism of this method.

Keywords: Russia; history of law; family law; marriage; family; legislation.